



ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ

ВУДХАУС

ДЕРЖИМ УДАР, ДЖИВС!

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Пелам Гренвилл Вудхаус
Держим удар, Дживс!
Серия «Дживс и Вустер»
Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436535

Вудхаус, П.Г. Фамильная честь Вустеров. Держим удар, Дживс!

Тысяча благодарностей, Дживс!: АСТ, Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-17-983320-8

Аннотация

Очередные похождения молодого аристократа Берти Вустера и его слуги, спасителя и ангела-хранителя – невозмутимого Дживса. Снова и снова Берти Вустер попадает как кур в ошип в крупные неприятности. Ему грозят ужасы разорения, позора, скандала или женитьбы. Однако в последний момент незаменимому Дживсу всегда удается найти выход из самой безнадежной ситуации...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	44
Глава 6	55
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пелам Гренвилл Вудхаус

Держим удар, Дживс!

Глава 1

Небрежно поигрывая ножом, я намазал джем на горячий гренок и чуть было не огласил воздух ликующим «Тру-ля-ля!», поскольку в это утро чувствовал себя в превосходной спортивной форме. «Улыбается Бог в небесах, в этом мире все так хорошо!» Помнится, таким образом однажды высказался Дживс. Он еще, кажется, упомянул о жаворонках и улитках, но это к делу не относится, так что не будем отвлекаться.

В кругах, где вращается Бертрам Вустер, ни для кого не секрет: когда ночь вступает в свои права и приходит час пиршества, Бертрам может украсить собой любое общество, однако за завтраком он, как правило, остроумием не блещет. Сойдясь лицом к лицу с яичницей и беконом, он, случается, робко их поковыряет, будто боясь, что они вдруг сорвутся с тарелки и набросятся на него. Словом, спозаранку Бертрам Вустер вял и скучен. Сплошная беспросветность.

Однако сегодняшний день существенно отличался от всех прочих. Сегодня у нас царил дух животрепетания – если это слово означает то, что я имел в виду, – и воодушевления. Ну

так вот, я мало того что впился зубами в сосиски, как тигр в несчастного кули, которого он отловил себе ко второму завтраку, но еще после этого, как уже упоминалось, накинулся на хлеб с джемом. По-моему, этим все сказано.

Причину, по которой сегодня я куда более благосклонно смотрел на белки и углеводы, легко понять. Дживс вернулся и снова отслуживал свое еженедельное вознаграждение на старом месте. Дело в том, что дворецкий моей обожаемой тетушки Далии захворал, и она позаимствовала у меня Дживса на время приема, который устраивала в своем вустерширском поместье Бринкли-Корт. Таким образом, я больше чем на неделю лишился общества моего слуги. Разумеется, Дживс не дворецкий, а камердинер, но, если случится нужда, он любого дворецкого за пояс заткнет. Это у него в крови. Его дядюшка Чарли – дворецкий, и, конечно, Дживс перенял у него кучу всяких профессиональных тонкостей. Когда Дживс появился, чтобы убрать останки, я спросил его, хорошо ли ему жилось в Бринкли.

– Исключительно приятно, благодарю вас, сэр.

– А вот мне без вас было далеко не так приятно. Я чувствовал себя как малое дитя, которого лишили няни. Вы не против, что я назвал вас няней?

– Нисколько, сэр.

Впрочем, на самом деле это еще мягко сказано. Моя тетька Агата – страшная женщина, настоящее исчадие ада – считает, что Дживс играет при мне роль надсмотрщика.

– Да, мне очень вас не хватало, я даже с друзьями в «Трутнях» веселился без всякого удовольствия. «Они влекли меня к забавам...» – как там дальше?

– Сэр?

– Однажды вы таким образом высказались про Фредди Уиджена, когда одна из его подружек дала ему от ворот поворот. Что-то там вроде бы утолить...

– Ах, вот оно что, сэр! «Они влекли меня к забавам, дабы печали утолить...»

– «...в надежде тщетной, что веселость забвенью может подарить». Да-да, это самое. Сами сочинили?

– Нет, сэр. Это старинная английская салонная баллада.

– Да? А написано будто обо мне. Однако расскажите: что в Бринкли? Как поживает тетушка Далия?

– Миссис Траверс, судя по всему, пребывает, как обычно, в добром здравии, сэр.

– Как прошел праздник?

– Удовлетворительно, в разумных пределах, сэр.

– Только-то?

– Настроение мистера Траверса несколько омрачало обстановку. Он был подавлен.

– Так случается всякий раз, когда тетя Далия собирает полон дом гостей. Известно, что он погружается в пучину отчаяния, если даже один-единственный чужак переступает порог их дома.

– Истинная правда, сэр, но позволю предположить, что в

данном случае подавленность мистера Траверса объясняется главным образом присутствием сэра Уоткина Бассета.

– Неужели там был этот старый хрыч? – возмутился я, ибо знал, черт побери, что если есть на свете человек, к которому мой дядя Том чувствует живейшее отвращение, то это Бассет. – Я поражен, Дживс.

– Должен признаться, сэр, что я тоже был несколько удивлен, увидев этого джентльмена в Бринкли-Корте, но, вне сомнения, миссис Траверс сочла своим долгом воздать ему за его гостеприимство. Как вы изволите помнить, недавно сэр Уоткин принимал вас с миссис Траверс в Тотли-Тауэрсе.

Я поморщился. Желая всего лишь освежить мою память, Дживс коснулся оголенного нерва. В чашке оставалось немного холодного кофе, и я отхлебнул глоток, чтобы вернуть себе спокойствие.

– Ничего себе «принимал»! Запереть человека в спальне, чуть ли не наручники на него надеть, поставить внизу на лужайке полицейского, чтобы не удрал через окно на связанных простынях, – если, по-вашему, это называется «принимать гостей», то я решительно не могу с вами согласиться.

Не знаю, насколько вы знакомы с анналами о Вустере, но если вы хоть в какой-то мере о них осведомлены, то, возможно, припомните ужасающую историю о сэре Уоткине Бассете и моем посещении его глостерширского поместья. Сэр Уоткин и мой дядюшка Том наперегонки коллекционируют то, что называется *objets d'art*, и когда сэр Уоткин обманом увел

из-под носа дяди Тома серебряный кувшинчик для сливок в виде коровы – на редкость безобразное изделие, – мы с тетушкой Далией отправились в Тотли-Тауэрс, дабы похитить вышеупомянутую корову и вернуть ее в родное стойло. Это предприятие, хоть и увенчавшееся, как говорится, успехом, едва не привело меня в кутузку, и когда я вспоминаю о нем, то все еще дрожу, как трепетная осина, если я правильно выражаюсь.

– Мучают ли вас ночные кошмары, Дживс? – спросил я, надрожавшись.

– Очень редко, сэр.

– Меня тоже. Но если мучают, то всегда одни и те же. Я снова оказываюсь в Тотли-Тауэрсе в обществе сэра У. Бассета, его дочери Мадлен, Родерика Спода, Стиффи Бинг, Гас-си Финк-Нотгла и скотч-терьера Бартоломью, они являются мне во всей своей красе, и я просыпаюсь, не к столу будь сказано, весь с головы до ног в поту. Да уж, поистине для меня то были времена, которые... как там, Дживс?

– Ниспосланы, чтобы подвергнуть человека испытаниям, сэр.

– Именно. Да еще каким! Один сэр Уоткин Бассет чего стоит, а? – задумчиво проговорил я. – И нечего удивляться, что дяде Тому стало не по себе и он приуныл. На его месте я тоже впал бы в депрессию. А кто еще наблюдался среди присутствовавших?

– Мисс Бассет, сэр, мисс Бинг, собака мисс Бинг и мистер

Финк-Ноттл.

– Ну и ну! Вся шайка почти в полном составе. Спода не было?

– Нет, сэр. Очевидно, на его сиятельство приглашение не распространялось.

– На его – что?

– Мистер Спод, если изволите припомнить, сэр, унаследовал титул лорда Сидкапа.

– Ах да. Совсем забыл. Сидкап или не Сидкап, а для меня он все равно Спод. Скверный тип.

– Во всяком случае, он назойливая личность, сэр.

– Не хотелось бы снова с ним сталкиваться.

– Охотно понимаю, сэр.

– И не испытываю никакого желания встречаться ни с сэром Уоткином Бассетом, ни с Мадлен Бассет, ни со Стиффи Бинг и Бартоломью. Против Гасси не возражаю. Физиономия как у палтуса, в спальне у себя держит тритонов в стеклянной банке, но на такие вещи смотришь сквозь пальцы, когда речь идет о твоём старом школьном друге. Точно так же прощаешь старому товарищу по Оксфорду, например преподобному Г. П. Пинкеру, его привычку загребать ногами и опрокидывать все вокруг. Так как же Гасси? Вне себя от счастья?

– Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл, как мне показалось, тоже был подавлен.

– Видимо, какой-нибудь из его тритонов подхватил тонзиллит.

– Возможно, сэр.

– Вы никогда не держали тритонов?

– Нет, сэр.

– Я тоже. И Эйнштейн, и Джек Демпси, и архиепископ Кентерберийский, по-моему, тоже. А вот Гасси получает от общества тритонов истинное наслаждение. Устроится поуютнее и глазеет на них, и нет на свете человека счастливее его. Чего только в жизни не бывает, а?

– Действительно, сэр. Вы предполагаете обедать дома?

– Нет. У меня свидание в «Ритце», – сказал я и вышел, дабы облачиться в приличествующий английскому джентльмену уличный наряд.

Во время переодевания, когда мои мысли вновь вернулись к Бассетам и я еще раз подивился, ради чего, черт побери, тетушка Даляя допустила, чтобы сэр Уоткин и сопровождающие его лица отравляли своим присутствием чистую атмосферу Бринкли-Корта, зазвонил телефон, и я вышел в холл, чтобы снять трубку.

– Берти?

– О, привет, тетя Даляя.

Я сразу узнал любимый голос. Когда мы с тетей Далией говорим по телефону, у меня просто лопаются барабанные перепонки. Моя тетушка некогда была заметной фигурой в охотничьих кругах и, говорят, так зычно гикала и улюлюкала, скача по лугам и перелескам в погоне за лисой, что слышно было даже в соседних графствах. Теперь, отойдя от ак-

тивной охоты на лис, она все еще сохраняла привычку адресоваться к племяннику тоном, предназначенным скорее для одергивания охотничьих собак, когда те отвлекались на кроликов.

– Смотри-ка, он уже на ногах! – прогудела она. – Я думала, ты еще в постели, храпишь так, что стены дрожат.

– Вообще-то обычно в этот час я еще недоступен, – поддакнул я, – но сегодня встал с жаворонками и с этими, как их? Кажется, с улитками. Дживс!

– Сэр?

– Вы ведь говорили, что улитки встают рано?

– Да, сэр. Поэт Браунинг в своей стихотворной драме «Проходит Пиппа...» указывает, что они встают в семь часов утра. «Жаворонок запел свою песню так весело и безыскусно, и улитка ползет по листу, оставляя свой легкий узор».

– Благодарю вас, Дживс. Тетя Даля, я не ошибся. Я встал из постели, когда жаворонок уже запел свою песню, а улитка ползет по листу.

– Берти, что ты там мелешь?

– Вопрос не ко мне, а к Браунингу. Я говорю, что сегодня встал рано. Это самое малое, что я мог сделать, чтобы отпраздновать возвращение Дживса.

– Он ведь вернулся в добром здравии, да?

– Да, загорелый и бодрый.

– Здесь он был в прекрасной форме. На Бассета произвел неизгладимое впечатление.

Я обрадовался тому, что представилась возможность разрешить загадку.

– Тетя Далия, – сказал я, – вы затронули один вопрос, в связи с которым мне бы хотелось услышать разъяснения. За каким чертом вы пригласили в Бринкли папашу Бассета?

– Ради жены и малых детушек.

– Чего-чего? Не понял. Растолкуйте, пожалуйста.

– Ради Тома, я хочу сказать, – ответила она и так оглушительно захохотала, что я затрясся всем телом. – Том в последнее время впал в уныние по причине, как он говорит, чудовищного налогообложения. Ты ведь знаешь, он ненавидит раскошеливаться.

Я и в самом деле это знал. Будь его воля, департаменту налогов и сборов не видать бы его денег как своих ушей.

– Ну так вот, я и подумала, что общество Бассета отвлекло бы его, он бы понял, что на свете есть вещи похуже, чем подоходный налог. Меня надоумил здешний врач. Рассказал, что есть такая болезнь, называется «болезнь Ходжкина», от которой лечат мышьяком. Принцип тот же самый. Ведь этот Бассет просто невыносим. Когда увидимся, я тебе расскажу про статуэтку из черного янтаря. Бассет ее недавно купил для своей коллекции. Он показывал ее Тому и при этом откровенно злорадствовал. Том исстрадался весь, горемыка.

– Дживс сказал, что он был подавлен.

– Ты бы тоже был подавлен, будь ты коллекционером и

знай, что твой конкурент, которого ты и так терпеть не можешь, раздобыл для своей коллекции вещь, за которую ты бы отдал не глядя все четыре зуба мудрости.

– Понимаю, – сказал я, не первый раз удивляясь тому, что дядя Том так высоко ценит вещи, которых, по мне, так хоть бы вообще на свете не было. Например, вышеупомянутый сливочник в виде коровы – надо же такое выдумать, ей-богу! Я всегда без боязни намекал, что самое подходящее место для всех этих коллекционеров – обитая войлоком палата в психушке.

– У Тома началось тяжелое несварение, какого у него не случалось с тех пор, как его последний раз подбили поесть омаров. Кстати о несварении: послезавтра я приеду на один день в Лондон и рассчитываю, что ты накормишь меня обедом.

Заметано, сказал я, и после того как мы с ней совершили небольшой обмен любезностями, она дала отбой.

– Это была тетушка Далия, Дживс, – сказал я, отойдя от телефона.

– Да, сэр, мне показалось, что я узнал голос миссис Траверс.

– Она хочет, чтобы я послезавтра угостил ее обедом. Думаю, лучше пригласить ее к нам. Она не слишком жалуется ресторанный кухню.

– Очень хорошо, сэр.

– Что это за статуэтка из черного янтаря, о которой гово-

рила тетя Далия?

– Прошу прощения, но это довольно длинная история, сэр.

– В таком случае сейчас не стоит рассказывать. Мне надо бежать сломя голову, иначе я опоздаю на свидание.

Вооружившись зонтиком и надев шляпу, я взял курс в открытое пространство, но тут услышал почтительное покашливание и, обернувшись, увидел, что день радостного воссоединения вот-вот омрачится. В устремленных на меня глазах я уловил особый блеск, столь мне знакомый по общению с тетушками и неизменно означавший явное осуждение. И когда Дживс страдальчески произнес: «Прошу прощения, сэр, но неужели вы намерены появиться в отеле «Ритц» в этой шляпе?» – я понял, что настало время Бертраму продемонстрировать свою прославленную железную волю.

В вопросе головных уборов Дживс как пить дать идет не в ногу с современной передовой мыслью. Его взгляды даже можно назвать реакционными, и я с самого начала задавался вопросом, как он отнесется к голубой тирольской шляпе с розовым пером, которую я купил в его отсутствие. Теперь я получил ответ. Невооруженным глазом было видно: он ни за что на свете с ней не примирится.

Я же, напротив, всей душой полюбил эту шляпу, хотя готов был допустить, что она более уместна для ношения в сельской местности. Но с другой стороны, она, бесспорно, сообщала моей наружности эдакую чертовщинку, а при моей

внешности некая чертовщинка в экипировке просто неоценима. Поэтому у меня в голосе прозвучали металлические нотки.

– Да, Дживс, именно так я и намерен поступить, в общем и целом. Разве вам не нравится эта шляпа?

– Нет, сэр.

– Ну а мне нравится, – находчиво сказал я и вышел на улицу в своей тирольской, лихо заломленной – в этом вся соль! – голубой шляпе.

Глава 2

В «Ритце» у меня было назначено свидание с Эмералд Стокер, младшей дочерью этого пирата папаши Стокера, который однажды обманом заманил меня к себе на яхту с намерением женить на своей старшей дочери Полин. Длинная история, сейчас не стану вдаваться в подробности, скажу только, что старый болван имел совершенно превратное представление о моих отношениях с его ненаглядным чадом, потому что мы, как говорится, были всего лишь добрыми друзьями. К счастью, все обошлось благополучно – барышня связала себя узами брака с Мармадюком, лордом Чаффнеллом, моим старинным приятелем, и мы как были, так и остались добрыми друзьями. Иногда я провожу уик-энды у Полин и Чаффи. А когда она приезжает в Лондон за покупками или за чем-нибудь еще, я слежу, чтобы она поглощала достаточное количество калорий. И само собой разумеется, когда Эмералд Стокер явилась сюда из Америки обучаться живописи, Полин поручила мне приглядывать за сестрой и время от времени водить ее обедать. Старый добрый Берти, друг семьи.

Я так и знал, что опоздаю – Эмералд уже меня ждала. Всякий раз при виде ее я поражался, до чего не похожи друг на друга могут быть родственники. В том смысле, что субъект А начисто лишен внешнего сходства с родственным ему субъек-

ектом В, а субъект В совсем не похож на родственный субъект С, – надеюсь, вы улавливаете ход моих мыслей. Взять, например, клан Стокеров. Глядя на них, вы никогда в жизни не догадаетесь, что они связаны узами крови. Старик Стокер – вылитый персонаж третьего плана из какого-нибудь гангстерского фильма, а Полин такая красотка, что когда идет по улице, даже самый сдержанный мужчина не стерпит и восхищенно присвистнет ей вслед. Эмералд же, совсем наоборот, вполне заурядная милашка и ничем не отличается от сотен других хорошеньких девушек, только нос и глазки у нее чуточку как у мопса да веснушек несколько больше среднего уровня.

Я всегда радовался случаю перекусить с Эмералд, потому что в ней чувствовалось материнское тепло, которое действовало на меня успокаивающе. Она была из тех славных, симпатичных девушек, которым всегда можно поплакаться, не сомневаясь, что тебя пожалеют и поглядят по головке. Я пришел на свидание все еще немного раздосадованный размолвкой с Дживсом по поводу тирольской шляпы и, конечно, тут же излил душу Эмералд. Вы не представляете, с каким тактом она откликнулась на мое признание. Должно быть, сказала Эмералд, Дживс в чем-то похож на ее отца, хотя она его никогда не видела – в смысле Дживса, а не своего отца, с которым она, безусловно, часто встречается. И еще сказала, что я был совершенно прав, когда продемонстрировал бархатный кулак в стальной перчатке, вернее, наоборот

– стальной кулак в бархатной перчатке, потому что нельзя, чтобы кто-то брал над тобой верх. Ее отец, сказала она, привык всю жизнь всеми командовать, но, по ее мнению, рано или поздно найдет коса на камень и ему как следует дадут по мозгам, что, как ей кажется – и я в этом полностью с ней согласен, – пойдет ему только на пользу.

Я был так благодарен Эмералд за ее доброту, что пригласил ее завтра пойти со мной в театр, куда я мог бы раздобыть парочку билетов на классный мюзикл, но она сказала, что, к сожалению, ничего не выйдет.

– Я сегодня уезжаю за город, к знакомым. Поезд уходит в четыре часа с Паддингтонского вокзала.

– Надолго едешь?

– Примерно на месяц.

– И целый месяц рассчитываешь там пробыть?

– Само собой.

Она так уверенно это сказала, что я посмотрел на нее с невольным уважением. У меня в жизни не было случая, чтобы в каком-то доме смогли вытерпеть мое присутствие дольше недели. Куда там! Обычно задолго до этого срока хозяева вроде бы невзначай затевают за столом разговор об удобствах железнодорожного сообщения с Лондоном, смутно надеясь, что Бертрам воспользуется этим удобством. И уж конечно, у меня в комнате на видном месте лежит расписание поездов с жирным крестиком против цифр 2.35 и пометкой: «Очень удобный поезд. Настоятельно рекомендуем».

– Их фамилия Бассет, – сказала Эмералд.

Я вздрогнул.

– Они живут в Глостершире.

Я снова вздрогнул.

– Их усадьба называется...

– Тотли-Тауэрс?

Теперь вздрогнула Эмералд – итого вместе мы вздрогнули три раза.

– Как, ты их знаешь? Вот здорово! Пожалуйста, расскажи о них.

Эта просьба меня несколько удивила.

– А разве ты сама с ними не знакома?

– Только с мисс Бассет. А кто остальные?

Будучи превосходно осведомленным в данном вопросе, я тем не менее на минуту замялся, соображая, нужно ли открывать этой беззащитной девушке, на что она себя обрекает. И решил, что обязан сказать всю правду, ничего не утаивая. С моей стороны было бы довольно жестоко умолчать о том, что мне известно, и допустить, чтобы она отправилась в Тотли-Тауэрс неподготовленной.

– Итак, обитателями рассматриваемого нами зверинца, – начал я, – являются сэр Уоткин Бассет, его дочь Мадлен, его племянница Стефани Бинг, некий тип по имени Спод, который с недавних пор зовется лордом Сидкапом, и племянницын скотч-терьер по кличке Бартоломью, с которым следует держать ухо остро, в особенности если он ошивается где-

нибудь в окрестностях ваших лодыжек, потому что кусает он как змей и жалит как аспид. Значит, с Мадлен Бассет ты знакома? И как ты ее находишь?

Эмералд, похоже, погрузилась в раздумье. Прошла минута-другая, прежде чем она вновь всплыла на поверхность.

– Вы с ней большие друзья? – наконец осторожно спросила она.

– Отнюдь нет.

– Ну так, по-моему, она редкостная дурища.

– По-моему, тоже.

– Но очень хорошенькая. Этого нельзя не признать.

Я помотал головой:

– Внешность – это еще не все. Думаю, что какой-нибудь лихой султан или паша, представься ему случай зачислить мисс Бассет в штат своего гарема, ни за что не упустит такой возможности, но не пройдет и недели, как он раскается в своей горячности. Она же невыносимо сентиментальная дуручка, напичканная всякими бреднями и причудами. Считает, например, что звезды – это божи маргаритки, что кролики – это гномы из свиты королевы фей и что каждый раз как эта самая фея сморкнется, на свет рождается малютка, хотя уж, кажется, кому не известно, как рождаются дети. Одним словом, дурища и зануда в придачу.

– Вот-вот, и мне так показалось. Прямо как та барышня из «Терпения», которая только и бредит любовью.

– Откуда барышня?

– Из «Терпения», пьеса Гилберта и Сулливана. Ты что, не видел?

– Да нет, конечно, видел. Теперь вспомнил. Однажды те-тушка Агата вынудила меня сводить на этот спектакль ее сы-на Тоса. Весьма недурно, хотя, по-моему, немного заумно. А теперь переходим к сэру Уоткину Бассету, отцу Мадлен.

– Она мне о нем говорила.

– Ну еще бы.

– Что он за тип?

– Настоящее чудовище. Не в обиду ему будь сказано, но, на мой взгляд, сэр Уоткин Бассет такой же монстр, как твой папаша, даже еще похлеще.

– Значит, по-твоему, мой папаша монстр?

– Но это между нами.

– А он считает, что ты ненормальный.

– Ну и на здоровье!

– И нельзя сказать, что он так уж сильно ошибается. Но во всяком случае, отец не так плох, если его гладить по шерстке.

– Вполне допускаю, но если ты воображаешь, что у меня только и дел, что гладить твоего папочку по шерстке или против оной, то ты глубоко заблуждаешься... Кстати, вспомнил – что касается Тотли-Тауэrsa, то там есть одно подкупающее обстоятельство. В соседней деревне живет преподобный Г. П. Пинкер по прозвищу Растяпа, викарый, исправляющий должность священника. Тебе он понравится. Когда-то он играл в футбол за сборную Англии. А Спода остерегайся.

Верзила под три метра ростом, а взглядом с шестидесяти шагов открывает устричную раковину. Если тебе приходилось видеть горилл, то можешь составить представление о Споде.

– Миленькие же у тебя друзья!

– Они мне не друзья. Хотя я люблю Стиффи и всегда готов заключить ее в объятия при условии, что она не начнет дурить. Дело в том, что она вечно выкидывает какие-то фортели. Ну вот, кажется, на этом список заканчивается. Ах нет, забыл про Гасси.

– Кто это?

– Мой приятель, сто лет знакомы. Он обручен с Мадлен Бассет. Его зовут Гасси Финк-Ноттл.

Эмералд радостно пискнула:

– У него еще очки в роговой оправе?

– Да.

– И он держит тритонов?

– В изобилии. Как, неужели вы знакомы?

– Встречались. На вечеринке в одной компании.

– Я думал, он не ходит на вечеринки.

– А тут взял и пришел, и мы весь вечер проговорили. Симпатичный, похож на овечку.

– Ты хочешь сказать – на палтуса?

– Ничего подобного.

– Но он же вылитый палтус.

– Да нет, он совсем не похож на палтуса.

– Ну хорошо, будь по-твоему, – примирительно сказал я,

ибо любая попытка урезонить девицу, которая провела с Гас-си весь вечер и не убедилась, что он похож на мороженого палтуса, обречена на провал. – Ну вот, теперь ты знаешь, что тебя ждет в Тотли-Тауэрсе. Меня-то туда калачом не заманишь, дудки, да никто и не станет заманивать, но ты там неплохо проведешь время, – сказал я, так как не хотел чрезмерно ее огорчать. – Места там живописные, да и едешь ты туда не для того, чтобы похитить сливочник в виде коровы.

– Что-что?

– Ничего-ничего. Это я просто так, не обращай внимания, – пробормотал я и перевел разговор на другую тему.

Когда мы расставались, Эмералд была задумчива, да оно и понятно, но мною тоже овладела меланхолия. Я не чужд суеверия, и то обстоятельство, что людоедское Бассетово племя вновь замаячило на моем горизонте, неприятно меня поразило. У меня возникло как бы предчувствие, что ли... или, скорее, ощущение, будто мой ангел-хранитель намекает мне: мол, держи ухо востро, смотри в оба, не то Тотли-Тауэрс снова вторгнется в твою жизнь.

В результате спустя полчаса погруженный в размышления Бертрам Вустер сидел в курительной у «Трутней», вертя в руках рюмку мальвазии. Приятели старались меня развлечь, но я не слушал, мне хотелось подумать. Я пытался убедить себя, что Тотли-Тауэрс вновь напомнил о себе лишь по чистой случайности и не стоит придавать этому разговору никакого значения, но тут ко мне неслышно приблизился офи-

циант и сообщил, что некий джентльмен выражает желание со мной говорить. Некое духовное лицо по фамилии Пинкер, сказал официант, и я в очередной раз вздрогнул, а вышеупомянутое предчувствие вновь дало о себе знать.

Не то чтобы мне не хотелось видеть преподобного Пинкера. Я люблю его как брата. Мы с ним учились в Оксфорде и относились друг к другу прямо как Давид и Ионафан. И хоть формально он не принадлежал к числу обитателей Тотли-Тауэrsa, а только помогал викарию соседней деревни Тотли пасти души простых мирян, при его внезапном появлении мои дурные предчувствия разыгрались на всю катушку. Не хватало еще, чтобы явились сэр Уоткин Бассет, Мадлен Бассет, Родерик Спод и скотч-терьер Бартоломью, и вся шайка опять будет в сборе. Почтение к моему бдительному ангелу-хранителю охватило меня с новой силой. Нрава он, конечно, унылого, все видит в черном свете и любит нагонять страх на своего подопечного. Но дело свое знает, ничего не скажешь.

– Ведите его сюда, – обреченно сказал я, и спустя надлежащее время появился преподобный Г. П. Пинкер. Споткнувшись о ступеньку, он простер руки и устремился ко мне, по дороге зацепив ногой и опрокинув столик. Вот так с ним всегда, стоило ему только попасть в помещение, оснащенное хоть какой-то мебелью.

Глава 3

Если вдуматься, эта пресловутая способность Растяпы задевать ногами за все, что ни подвернется, вообще-то вызывала изумление. Ведь мало того что он четыре года подряд представлял на футбольном поле свой университет и шесть лет – свою страну, так он и теперь, если выкроит для себя субботу, временно приостановив процесс спасения душ вверенных ему прихожан, играет за «Арлекинов» и носится по полю, словно олень, или косуля, или как там называются эти животные, которые бегают, не спотыкаясь и не опрокидывая встречные предметы. Я пару раз видел его на арене, если можно так выразиться, и был потрясен его виртуозностью. Для меня футбол – книга за семью печатями, сам я никогда в него не играл, но даже мне было понятно, чего стоит Пинкер. Он изящно летал по полю туда-сюда и стремительно, с сокрушительной силой проделывал то, что, по-моему, называется перехват. Он достигал соперника так же неотвратимо, как всадник настигает пешехода, и воздух сотрясался от неистовых воплей кровожадных болельщиков.

Пинкер был помолвлен со Стиффи Бинг, и, на мой взгляд, долгие годы футбольной практики сослужили бы ему хорошую службу в качестве подготовки к семейной жизни с ней. Если каждую субботу с тех самых пор, как ты вышел из младенчества, толпа головорезов в подкованных ботинках шварка-

ет ими тебе по физиономии, то, по-моему, ничего на свете уже не может тебя напугать, даже женитьба на такой девице, как Стиффи, у которой чуть ли не с пеленок что ни день, то какая-нибудь сумасшедшая выходка, способная свести с ума всех окружающих, от первого до последнего.

Преподобный Г. П. Пинкер был здоровенный малый. Должно быть, даже в детстве одежда на нем трещала по швам, а весы, стоило ему стать на них, тут же ломались. И теперь, в зрелом возрасте, его можно было бы принять за брата-близнеца Родерика Спода. С виду, конечно, в том только, что касалось мускулатуры, сухожилий и живого веса, потому что если Родерик Спод постоянно высматривал, кого бы сожрать, являя собой постоянную угрозу как для пешеходов, так и для движущихся транспортных средств, то Пинкер – настоящий дьявол в человеческом облике, вносящий смятение в ряды соперников на футбольном поле, – в частной жизни был так кроток, что даже малый ребенок мог из него веревки вить. В самом деле, однажды мне случилось видеть, как Растяпа послушно играл в мяч с крохотной девчушкой.

Обычно с лица этого божьего человека не сходила лучезарная улыбка. Я бы сказал, что его улыбка – одна из местных достопримечательностей и украшает собой Тотли, как прежде в Оксфорде украшала колледж Святой Магдалины, где мы с ним учились. Однако на этот раз вид у Растяпы был удрученный, будто он обнаружил ересь среди своей паствы или застукал на церковном дворе мальчишек-певчих, куря-

щих марихуану. Словом, передо мной предстало девяносто килограммов его преподобия, обремененного тяжелой заботой. Опрокинув очередной столик, он уселся и сообщил, что рад меня видеть:

– Так и знал, что найду тебя в «Трутнях».

– И нашел, – подтвердил я. – Скажи, что привело тебя в столицу?

– Приехал на собрание комитета клуба «Арлекинов».

– Ну и как комитет?

– В порядке.

– Рад слышать. Состояние комитета – предмет моей неустанной тревоги. Ну, Растяпа, рассказывай, как поживаешь.

– Очень хорошо.

– Пообедаем вместе?

– К сожалению, должен вернуться в Тотли.

– Скверно. Дживс говорит, что сэр Уоткин, Мадлен и Стиффи гостили у моей тетушки в Бринкли.

– Да.

– Они вернулись?

– Да.

– Как Стиффи?

– Нормально.

– А Бартоломью?

– Тоже нормально.

– А как твои прихожане? Надеюсь, с ними все в по рядке?

– О да, в полном порядке.

Интересно, вас ничего не удивляет в этом диалоге, образец которого я тут воспроизвел? Нет? В том смысле, что Растяпа Пинкер и Бертрам Вустер, друзья-приятели, знаем друг друга чуть не с пеленок, а беседуем точно случайные попутчики в поезде. Пинкер цедил слова сквозь зубы, и я все более и более утверждался в мысли, что грудь его исполнена – как ее там? – какой-то злополучной субстанцией, что ли, которая тяжким бременем давит на сердце, как выразился однажды Дживс.

Я не оставлял усилий, стараясь расшевелить Растяпу Пинкера.

– Ну же, Растяпа, – сказал я, – что новенького? Что старикан Бассет, отдал ли он тебе приход?

Мой вопрос отчасти пробил броню – Пинкер оживился:

– Нет еще. По-моему, он не может решиться. Сказал, что отдаст, а на другой день объявил, что сомневается и должен еще подумать над этим вопросом.

Я нахмурился. Не по душе мне подобная неопределенность. Представляю, как она затрудняет Пинкеру жизнь и ставит его в ложное положение. Поневоле будешь и встревожен и подавлен. Ведь они со Стиффи не могут пожениться – на жалованье викария он ее не прокормит, стало быть, надо ждать, пока папаша Бассет не расщедрится на приход, которым распоряжается по своему усмотрению. А мне доподлинно известно, что Растяпа спит и во сне видит вступить в брак

со Стиффи, хотя лично я, при всех моих добрых чувствах к этому юному созданию, готов милю пробежать в тесных ботинках, лишь бы уклониться от женитьбы на означенном создании.

– Все время ему что-то мешает, то одно случится, то другое. Кажется, перед поездкой в Бринкли он совсем было решился, но – вот незадача! – я нечаянно столкнулся у него с ценной вазой, и она разбилась. Это его немного огорчило.

Я вздохнул. Как сказал бы Дживс, теряешь сон и покой, когда узнаешь, что у твоего друга, с которым вы вместе срывали цветы юности – по-моему, есть такое выражение, – жизнь складывается совсем не так, как хотелось бы. Я был намерен с неослабевающим вниманием следить за церковной карьерой преподобного Пинкера, но, похоже, события развивались таким образом, что сам факт существования упомянутой карьеры ставился под сомнение.

– И как это ты умудряешься, Растяпа, откалывать такие штуки? Наверное, ты и в пустыне Гоби найдешь, обо что споткнуться.

– Никогда не был в пустыне Гоби.

– И не надо. Для тебя это небезопасно. Скажи, Стиффи, наверное, сердится, что у Бассета, как говорится, семь пятниц на неделе? Думаю, она из себя выходит, когда старикашка то говорит: «Пожалуй», то: «Нет, не решаюсь». Что, Стиффи здорово кипятится?

– Порядком.

– И я ее не обвиняю. На ее месте любая взбеленится. Кто дал право папаше Бассету ставить палки в колеса истинной любви?

– Никто.

– Надо ему наподдать как следует.

– Вот именно.

– Будь я на месте Стиффи, я бы ему в постель жабу сунул или стрихнину в суп подсыпал.

– Вот именно. Что касается Стиффи...

Он внезапно умолк. Пристально в него вглядевшись, я понял, что был абсолютно прав относительно той злополучной субстанции. Безусловно, грудь бедного малого была битком ею набита.

– Что-то не так, Пинкер?

– Да нет, ничего. Почему ты спрашиваешь?

– Ты странно себя ведешь. Как собака, которая преданно заглядывает в глаза хозяину, будто хочет что-то сказать. Ты хочешь мне что-то сказать?

Он сглотнул раз-другой и покраснел, если подобное выражение применимо к человеку, чье лицо даже в спокойном состоянии напоминает цветом эдакую благочестивую свеклу. Казалось, застегивающийся сзади воротничок его душит. Сиплым голосом он произнес:

– Берти...

– Да?

– Берти...

– Я здесь, старина, и ловлю каждое твое слово.

– Берти, ты теперь занят?

– Не более чем всегда.

– Ты не мог бы уехать на два-три дня?

– Думаю, это можно устроить.

– А ты не мог бы уехать в Тотли?

– Погостить у тебя?

– Да нет, погостить в Тотли-Тауэрсе?

Я уставился на него, как говорится, во все глаза. Не знай я, что он трезвенник, который даже вне Великого поста редко позволяет себе пропустить что-нибудь более крепкое, чем легкое пиво, мне пришлось бы допустить, что преподобный Пинкер уже успел приложиться к бутылке. Брови у меня полезли кверху, и не останови я их вовремя, они испортили бы мне прическу.

– *Где* побыть? Растяпа, ты не в своем уме, иначе бы не нес эту околесицу. Надеюсь, ты не забыл, какую пытку мне пришлось вытерпеть, когда я в последний раз гостил в Тотли-Тауэрсе?

– Не забыл. Но Стиффи хочет, чтобы ты ей помог. В чем именно, она мне не сказала, но предупредила, что дело это чрезвычайной важности и что без тебя не обойтись.

Я выпрямился во весь рост. Я был холоден и решителен:

– Ты просто рехнулся, Растяпа!

– Не понимаю, что тут особенного!

– В таком случае позволь тебе объяснить, почему ваш за-

мысел обречен на провал. Во-первых, после того, что произошло между нами, едва ли сэр Уоткин Бассет пригласит меня к себе. Подозреваю, что он меня терпеть не может. Если есть на свете человек, который по моей милости пережил не самые приятные минуты в своей жизни, так это Бассет. Залог счастья для него – это когда между ним и Бертрамом пролегал по меньшей мере сто миль.

– Тебя пригласит Мадлен, ты только пошли ей телеграмму и попроси позволения приехать на денек-другой. Она никогда не советуется с сэром Уоткином, кого ей пригласить. Зовет в дом кого хочет.

Это была правда, но я пропустил его слова мимо ушей и безжалостно продолжал:

– Во-вторых, я знаю Стиффи. Очаровательное создание, для нее, как я уже сказал Эмералд Стокер, у меня всегда открыты объятия, вернее, были бы открыты, не будь она помолвлена с тобой, но она же помесь полтергейста и ручной гранаты с выдернутой чекой. Совершенно лишена здравой рассудительности, этой добродетели, которая так украшает женщину. Она начинена идеями, и если ты назовешь их эксцентричными, то попадешь в самую точку. Вряд ли стоит напоминать, что, когда я в последний раз гостил в Тотли-Тауэрсе, она тебя подбивала стащить каску у констебля Юстаса Оутса, а подобный поступок решительно противопоказан викарию, рассчитывающему подняться по служебной лестнице. Короче говоря, крошка Стиффи просто сумасшедшая,

тут двух мнений быть не может. Не знаю, что за поручение она собирается мне дать, но по определению это должно быть что-то неудобоваримое. Неужели она даже не намекнула?

– Нет. Я, конечно, спросил, но она сказала – рта не откроет, пока тебя не увидит.

– Ну так она меня не увидит.

– Значит, ты не поедешь в Тотли?

– На пушечный выстрел не подойду к этой помойке.

– Стиффи ужасно огорчится.

– А ты окажи ей духовную поддержку. Это твоя работа. Скажи, что подобные испытания нам посылаются свыше.

– Вероятно, она будет плакать.

– Это хорошо, ибо ничего нет полезнее для нервной системы, чем слезы. Действуют на шейные железы, забыл, как именно, но очень благотворно. Спроси любого доктора с Харли-стрит.

Вероятно, он понял, что моя железная броня несокрушима, и отказался от дальнейших попыток пробить в ней брешь. Испутив вздох, который шел, кажется, от самых подметок, он встал, попрощался, опрокинул мой стакан с прохладительным и направился к выходу.

Твердо зная, что не в обычае Бертрама Вустера бросать друга в трудный час, вы, вероятно, подумаете, что эта неприятная сцена огорчила меня, а на самом деле она только прибавила мне бодрости, как день, проведенный на взморье.

Позвольте напомнить вам в общих чертах мое положение. Еще во время обеда с Эмералд Стокер мой ангел-хранитель нагнал на меня страху, практически открытым текстом информировав меня, что Тотли-Тауэрс занял боевую позицию, чтобы вновь вторгнуться в мою жизнь. И сейчас до меня дошло: очевидно, мой ангел-хранитель имел в виду, что меня станут призывать в Бассетово логово и что в минуту слабости я могу вопреки здравому смыслу поддаться на уговоры. Теперь опасность миновала. Тотли-Тауэрс совершил свой бросок, но сильно промахнулся, и у меня больше нет повода для беспокойства. Поэтому я с легким сердцем присоединился к компании любителей поразвлечься, занятых игрой в «дротики», и одной левой разделал их под орех. Около трех я вышел из клуба и примерно через полчаса подгрел к многоквартирному дому – месту моего обитания.

У подъезда стояло нагруженное чемоданами такси. Из его окна высовывалась голова Гасси Финк-Ноттла, и, помнится, я лишний раз утвердился в мысли, что Эмералд Стокер непростительно заблуждается по поводу его наружности. Вглядываясь в Гасси, вернее, в тот его фрагмент, который был доступен моему взору, я не нашел в его внешности ни капли сходства с овечкой, зато он был так похож на палтуса, что если бы не очки в роговой оправе, которых палтусы, как правило, не носят, то я мог бы вообразить, что вижу перед собой слинявшего в самоволку непрямого обитателя рыбного прилавка.

Я послал ему дружеский йодль, и стекла его очков обратились в мою сторону.

– Привет, Берти, – сказал он. – А я сию минуту от тебя. Оставил сообщение Дживсу. Твоя тетушка просила передать, что послезавтра будет в Лондоне и надеется с тобой пообедать.

– Да, она мне утром сама звонила по этому поводу. Подумала, наверное, что ты забудешь меня уведомить. Валяй заходи, угощу апельсиновым соком, – сказал я, зная, что эта мерзость заменяет ему всякую нормальную выпивку.

Он взглянул на часы, и в его глазах погас огонь, который обычно в них загорается при упоминании об апельсиновом соке.

– Я бы с удовольствием, но не могу, – вздохнул он. – Опаздываю на поезд. Еду в Тотли четырехчасовым с Паддингтона.

– В самом деле? Увидишься там со своей приятельницей Эмералд Стокер.

– Стокер? Эмералд Стокер?

– Такая веснушчатая девица. Американка. Похожа на славного китайского мопсика. Сказала, что недавно познакомилась с тобой на одной вечеринке, ты рассказывал ей о тритонах.

Он просиял:

– Ах да, конечно. Как же, теперь припоминаю. Я тогда не расслышал, как ее зовут. Мы долго говорили о тритонах. В

детстве она тоже их держала, только она почему-то называет их гуппи. Очаровательная девушка! Буду рад снова с ней повидаться. По-моему, она самая привлекательная из всех моих знакомых девиц.

– Не считая, само собой, Мадлен.

Он помрачнел. Вид у него стал как у палтуса, обиженного грубой выходкой со стороны другого палтуса.

– Мадлен! Не говори мне о ней! Меня от нее тошнит, – в сердцах проговорил Гасси. – Паддингтон! – крикнул он вознице и унесся как ветер, а я остался стоять с изумленно разинутым ртом, не в силах справиться с охватившей меня паникой.

Глава 4

Сейчас объясню, почему я был охвачен паникой. Из его разговора с Эмералд Стокер – а в выражениях по поводу Мадлен Бассет я, кажется, не стеснялся – вы, конечно, поняли, что у меня аллергия на эту особу. Она для меня такая же рвотная пилюля, как я сам для ее папаши или для Родерика Спода. Тем не менее передо мной возникла реальная угроза, что мне придется влачить с ней жизнь в радости и в горе, как говорится в Священном Писании.

Готов изложить предысторию. Гасси, влюбленный в эту самую девицу Бассет, жаждал открыть ей свои чувства, но всякий раз как он приступал к объяснению, мужество его оставляло и он ловил себя на том, что мямлит нечто невразумительное на тему о тритонах. Не зная, как приняться за дело, он додумался упросить меня похлопотать за него. И вот когда я за него хлопотал, девица Бассет, законченная кре-тинка – это и ежу понятно, – вообразила, будто я хлопочу о себе. «Берти, – говорит она, – мне так грустно причинять тебе страдания, но мое сердце принадлежит Гасси». По мне, так лучшего и желать нечего, но малахольная девица этим не ограничилась. Если, продолжала она, что-нибудь заставит ее пересмотреть свой взгляд на Гасси как на лучшего из мужчин и придется его выставить вон, то я – первый на очереди, и хотя она не сможет полюбить меня столь же пылко, как

любит Гасси, но не пожалеет сил, чтобы сделать меня счастливым. Словом, я пребывал в позиции вице-президента Соединенных Штатов Америки, который живет себе и в ус не дует, но обязан, случись что-либо с первым лицом, немедленно заступить на его место.

Стоит ли удивляться, если заявление Гасси о том, что его тошнит от Мадлен, обрушилось на меня будто тонна кирпичей и я с воплем ринулся в дом, призывая Дживса. Я чувствовал, как уже неоднократно бывало раньше, что мне остается только одно – предать себя в руки высшей силы.

– Сэр? – сказал Дживс, материализуясь, как дух во время спиритического сеанса.

– Дживс! Я на краю гибели.

– В самом деле, сэр? Крайне огорчен, сэр.

Надо отдать Дживсу должное. Кто старое помянет, тому глаз вон – таково одно из похвальных правил, которыми он руководствуется. Разумеется, он может расходиться со своим молодым господином во взглядах на голубые тирольские шляпы, украшенные розовыми перьями. Но когда он видит, как разъяренная судьба принимается метать в его господина камни и стрелы, то хоронит свои обиды и воскрешает доблестный дух преданного вассала. Вот и теперь вместо холодности, равнодушия и высокомерия, которые демонстрировала бы на его месте любая заурядная личность, Дживс выказал крайнюю степень волнения и озабоченности. То есть его левая бровь приподнялась ровно на одну восьмую дюйма –

именно так он обычно выражает распирающие его чувства.

– Вас постигла какая-то неприятность, сэр?

Я рухнул в кресло и отер пот со лба. Давненько не попадал я в такую переделку.

– Только что виделся с Гасси Финк-Ноттлом.

– Да, сэр, мистер Финк-Ноттл заходил сюда минуту назад.

– Я встретил его у подъезда. Он сидел в такси. И представляете, что произошло?

– Нет, сэр.

– Я случайно упомянул о мисс Бассет, и он – обратите внимание, Дживс! – он мне заявляет, я цитирую: «Не говори мне о Мадлен. Меня от нее тошнит». Конец цитаты.

– В самом деле, сэр?

– По-моему, это не любовные речи.

– Да, сэр.

– По-моему, так может говорить только тот, кто невесть почему сыт по горло предметом своего обожания. Я не успел вникнуть в суть дела, ибо минуту спустя Гасси, как ошпаренный кот, умчался на Паддингтонский вокзал, но совершенно очевидно: этот предмет – как его там, еще начинается на букву «л»? – дал трещину.

– Вероятно, вы имеете в виду лютню, сэр?

– Вероятно. Не стану спорить.

– Поэт Теннисон в одном из своих стихотворений указывает, коли в лютне маленькая щелка, глядь – и музыка умолкла, и спустилась тишина.

– Ну тогда, значит, лютня. А нам слишком хорошо известно, что произойдет, если эта отдельно взятая лютня даст дуба.

Мы обменялись понимающими взглядами. Во всяком случае, я послал Дживсу многозначительный взгляд, а он надулся, как лягушка, что, по его обыкновению, должно было означать полную скромного достоинства осведомленность. Ему известны наши с М. Бассет отношения, но мы, естественно, этой темы не обсуждаем, разве что обмениваемся понимающими взглядами. Считается, что такие вещи обсуждению не подлежат. Не уверен, стоит ли приравнивать подобное обсуждение к празднословию по поводу женщины, но занятие это явно неподобающее, а Вустеры не допускают ничего неподобающего. И Джинсы, коли на то пошло, тоже.

– Что же мне теперь делать?

– Сэр?

– Ну что вы заладили одно и то же – «сэр» да «сэр»? Не хуже меня понимаете, что «настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии». Главное – чтобы любовная ладья Гасси не дала течь. Необходимо принять меры.

– Целесообразность таких мер представляется совершенно очевидной, сэр.

– Да, но каких мер? Разумеется, я должен поспешить на театр военных действий, и пусть в их ход вмешается голубь мира, другими словами – уравновешенный, доброжелатель-

ный, умудренный жизненным опытом друг попытается помирить эту неразумную молодежь. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

– Превосходно понимаю, сэр. Как мне представляется, вы отводите себе роль *raisonneur*'а, выражаясь по-французски.

– Вроде того. Но заметьте, это не все. Мало того что от мысли о пребывании под крышей Тотли-Тауэrsa у меня стынет кровь, так еще и другая загвоздка. Как только что мне сообщил Растяпа Пинкер, Стиффи Бинг желает, чтобы я кое-что для нее сделал. Но вы же знаете, какие у Стиффи желания. Помните случай с каской констебля Оутса?

– Весьма живо, сэр.

– Оутс навлек на себя гнев Стиффи тем, что доложил ее дяде сэру Уоткину о проделках ее терьера Бартоломью, по вине которого констебль рухнул с велосипеда, угодил в канаву, получил ушибы и увечья. Тогда Стиффи подговорила Пинкера, духовное лицо, носящее воротничок рубашки задом наперед, стянуть у Оутса его каску. И это еще одна из самых безобидных Стиффиных проделок. Она такое может изобрести, если постарается! Страшно даже представить себе, что она для меня на этот раз состряпает.

– Дурные предчувствия в данном случае совершенно оправданы, сэр.

– Вот видите. Я, как говорится, стою перед... этой самой... как эта штука называется?

– Дилемма, сэр?

– Вот-вот. Я стою перед дилеммой. Следует ли, спрашиваю я себя, ехать, чтобы посмотреть, нельзя ли как-нибудь залатать лютню, или более благоразумно оставить все как есть, и пусть Время, великий целитель, вершит свою работу.

– Позволительно ли будет внести одно предложение, сэр?

– Валяйте, Дживс.

– Не сочтете ли вы возможным отправиться в Тотли-Тауэрс, но при этом уклониться от выполнения просьб мисс Бинг?

Я задумался. Вообще-то это мысль.

– Хотите сказать, объявить *polle prosequi*? И послать подальше?

– Совершенно верно, сэр.

Я с благоговением на него посмотрел.

– Дживс, – сказал я, – вы, как всегда, нашли выход. Телеграфирую мисс Бассет, попрошусь к ним в гости; телеграфирую тете Далии, что не смогу угостить ее обедом, так как уезжаю из города. А Стиффи скажу, пусть на меня не рассчитывает, что бы она там ни забрала себе в голову. Да, Дживс, вы попали в точку. Поеду в Тотли, хотя такая перспектива приводит меня в содрогание. Там будет папаша Бассет. Там будет Спод. Там будет Стиффи. И скотч-терьер Бартоломью тоже. Диву даешься, отчего так много шума по поводу тех ребят, которые скакали в Долину смерти. Уж, во всяком случае, им не грозила встреча с папашей Бассетом. Да ладно, будем надеяться на лучшее.

– Надежда на лучшее – это единственная правильная стратегия, сэр.

– Прорвемся, Дживс. Что?

– Вне всяких сомнений, сэр. Осмелюсь заметить, сэр, главное – это сохранять присутствие духа.

Глава 5

Как и предвидел Растяпа Пинкер, Мадлен Бассет не имела ничего против моего приезда в Тотли-Тауэрс. В ответ на мое послание, где я напрашивался в гости, она открыла мне зеленый свет, а через час или около того после ее телеграммы позвонила из Бринкли тетя Далия, горящая желанием выяснить, какого черта я пишу, что по причине отсутствия в столице я не в состоянии угостить ее обедом, тогда как она уже учла упомянутый обед при составлении своего бюджета.

Ее звонок меня не удивил. Я предчувствовал, что на этом фронте может возникнуть некоторое оживление. Старушенция – добрейшая душа и нежно любит своего Бертрама, но характер у нее властный. Терпеть не может, когда ее желания не исполняются. Вот и сейчас она обрушилась на меня так, будто хотела перекричать целую свору гончих:

– Берти, скверный мальчишка!

– У телефона.

– Получила твою телеграмму.

– Не сомневаюсь. Телеграфное ведомство действует безотказно.

– Что ты там мелешь, Берти? Насчет того, что уезжаешь из Лондона? Ты ведь никогда никуда не едешь, разве что сюда, к нам, чтобы объедаться стряпней Анатоля.

Она говорила о своем несравненном поваре-французе,

при одном упоминании о котором у меня слюнки текут. «Подарок желудку» – так я, бывало, называл Анатоля.

– Куда это ты собрался?

Слюнки у меня перестали течь, и я сказал, что еду в Тотли-Тауэрс. Тетушка досадливо фыркнула:

– Опять этот проклятый телефон барахлит! Мне послышалось, будто ты сказал, что едешь в Тотли-Тауэрс.

– Именно.

– В Тотли-Тауэрс?!

– Сегодня к вечеру.

– Что это с ними стряслось? Неужели они тебя пригласили?

– Они – нет. Я сам себя пригласил.

– Ты хочешь сказать, что сам нарываешься на общение с сэром Уоткином Бассетом? Ты осел, это я всегда знала, но не думала, что до такой степени. Послушай, этот старый хрыч за неделю совсем меня извел, уж можешь мне поверить.

Ее точка зрения была мне предельно ясна, и я поспешил объясниться.

– Согласен, старикашка Бассет – личность из ряда вон, таких поискать, – сказал я, – и если нет особой нужды, лучше от него держаться подальше. Но меня постиг жестокий удар. Гасси Финк-Ноттл и Мадлен Бассет рассорились. Их помолвка висит на волоске, а вам известно, как много для меня значит их сердечный союз. Вот я и мчусь туда, хочу попытаться залатать трещину.

– Что ты можешь поделывать?

– Насколько я себе представляю, я должен играть роль *raisonneur*'а, если выразиться по-французски.

– И что это, по-твоему, означает?

– Сам толком не понимаю. Надо будет узнать у Дживса.

– Ты берешь с собой Дживса?

– А как же. Да я шагу без него ступить не могу.

– Ну тогда держи ухо востро, вот что я тебе скажу. Мне известно, что Бассет на него глаз положил.

– В каком смысле?

– Хочет переманить.

Голова у меня закружилась. Хорошо, что я сидел в кресле, не то бы непременно упал.

– Не может быть!

– Ошибаешься, очень даже может. Я же тебе говорю – он без ума от Дживса. Когда гостил здесь, смотрел на него, по словам Анатоля, будто кот на сметану. А как-то утром я своими ушами слышала, как Бассет сделал Дживсу недвусмысленное предложение. Ну, что ты молчишь? В обморок грохнулся, что ли?

Молчу потому, объясняю я, что ошеломлен, а она мне – не понимаю, чему ты удивляешься, зная Бассета?

– Разве ты забыл, как он пытался сманить Анатоля? Этот тип способен на любую низость. У него совести нет. Приедешь в Тотли, повидайся с неким Планком, спроси его, что он думает о сэре Уоткине, черт его возьми, Бассете. Ста-

рый хрыч надул беднягу Планка на... О проклятие! – в сердцах вскричала тетушка, когда механический голос возвестил: «Три минуты», – и сразу повесила трубку, а меня весьма ощутимо пробрала дрожь, будто тетка была не тетка, а мой ангел-хранитель, о способности которого пугать меня до посинения я уже упоминал.

Мурашки с неослабевающей прытью все еще бегали у меня по спине, когда я гнал свой спортивный автомобиль в Тотли. Разумеется, я ничуть не сомневался, что у Дживса и в мыслях не было менять старую добрую фирму на новую, и когда коварный хрыч Бассет заводил об этом разговор, честный мальч, я уверен, прикидывался глухим аспидом, который, как вы, наверное, знаете, отказывался слушать заклинателя, как тот его ни заклинал. Но вот ведь какая штука – вроде и знаешь, что волноваться не о чем, а все-таки вибрируешь. Поэтому я пребывал отнюдь не в безмятежном настроении, когда, въехав в ворота Тотли-Тауэrsa, осадил своего арабского скакуна у парадной двери.

Не знаю, случалось ли вам слышать стихи с таким рефреном:

Тра-ля-ля-ля на острове,
Сколь божий мир прекрасен,
Тим-та-та-там на острове
Столь человек ужасен.

В общем, что-то в подобном духе. Ну так вот – сказано

будто про Тотли-Тауэрс. Прекрасный дом, обширный сад, раскинувшийся на холмах парк, ровно подстриженные газоны, словом, лучшего и пожелать невозможно, – но много ли проку в этой красоте, когда знаешь, с кем тебе придется столкнуться? Не жди ничего хорошего, коль скоро в этом раю обосновалась банда папаши Бассета.

Логово старого хрыча представляло собой одно из самых прекрасных поместий в Англии – не из тех описанных в литературе парадных дворцов, являющих посетителю четырехста комнат, пятьдесят лестниц, двадцать внутренних двори-ков, но и не просто какое-нибудь бунгало. Бассет купил его со всей мебелировкой у лорда Имярек, который, как и многие в наше время, позарез нуждался в наличности.

Впрочем, сам-то папаша Бассет в наличности не нуждался. На закате жизни он имел более чем достаточно. Если вы назовете его жирным толстосумом, то это не будет преувеличением. Чуть ли не всю свою сознательную жизнь он служил мировым судьей, и в этом качестве однажды, вместо того чтобы отечески пожуричь, оштрафовал меня на пять фунтов стерлингов всего лишь за невинную шалость, совершенную мной вечером после гребных гонок. Вскоре после этого случая Бассет унаследовал от одного своего родственника крупное состояние. Так по крайней мере говорилось. А на самом деле, разумеется, все те годы, когда Бассет исправлял роль судьи, он прикарманивал штрафы и набивал себе мошну. Здесь пять фунтов, там пять фунтов – вот вам и состоя-

ние.

Доехали мы неплохо, и около пяти я уже звонил в колокольчик у парадной двери. Дживс отогнал машину в гараж, а меня встретил дворецкий – помнится, его зовут Баттерфилд – и проводил в гостиную.

– Мистер Вустер, – возвестил он.

Чаепитие было в разгаре, чему я не удивился, ибо еще в холле услышал, как звенят чашками. За столом распоряжалась Мадлен Бассет. Она протянула мне вяло поникшую руку:

– Берти! Как я рада!

Скажи стороннему наблюдателю, что мне дурно становится от одной мысли о женитьбе на Мадлен Бассет, так он скорее всего изумленно поднимет брови и откажется меня понимать, ибо девица эта была загляденье: стройная, гибкая, щедро экипированная золотистыми волосами и прочими атрибутами женской привлекательности. Однако кое в чем сторонний наблюдатель сильно бы промахнулся. Он наверняка сразу не разглядел бы ее слезливой сентиментальности и приторного сюсюканья, простительного разве что малютке. Мадлен была из числа тех особ, которые обожают подкрадываться к мужу, когда тот плетется к завтраку чуть живой от похмельной головной боли, и, закрыв ему ладонями глаза, игриво мурлычат: «Угадай, кто?»

Однажды мне случилось гостить у приятеля-молодожена, так у него в гостиной над камином у всех на виду красова-

лась аршинная надпись: «Два нежных голубка свили здесь гнездышко». Его супруга постаралась. Я до сих пор помню немое страдание, которое читалось в глазах нежного голубка всякий раз, как он входил в гостиную и видел этот шедевр. Достигнет ли Мадлен Бассет таких высот, когда вступит в брак, сказать пока трудно, но весьма вероятно, что достигнет. И я твердо решил не сачковать и отдать все силы благородному делу их с Гасси примирения.

– Ты ведь знаком с мистером Пинкером, – сказала Мадлен Бассет, и, проследив за ее взглядом, я увидел Растяпу. Он благополучно забился в кресло и, судя по всему, пока еще ничего не опрокинул, но мне показалось, что руки у него чешутся и он вот-вот примется за дело. А рядом с ним уютился нагруженный тарелками со сдобными булочками и сандвичами с огурцом одноногий столик, который, насколько я мог предположить, как магнитом притягивал к себе Растяпу Пинкера.

Увидев меня, Растяпа заметно вздрогнул и уронил тарелку с булочками. Глаза у него округлились. Разумеется, я догадывался, о чем он думает. Наверное, вообразил, что я примчался сюда, потому что изменил свои намерения и согласился выполнить его просьбу. Небось шепчет про себя: «... порадитесь со мной: я нашел мою пропавшую овцу». Я оплакал его в душе моей, понимая, какой тяжелый удар его ждет, когда он узнает, что я ни за какие коврижки не стану потворствовать дурацким прихотям Стиффи. В этом во-

просе я буду тверд, пусть даже обреку их с Растяпой на душевные муки. Я давно убедился, что секрет моего счастья и успеха в жизни заключается в том, чтобы держаться как можно дальше от этой юной врагини рода человеческого с ее злокозненными выдумками.

Разговор, который мы затеяли, с полным правом можно было назвать бессвязным. Не мог же я в присутствии Мадлен взять быка за рога, вот мы и толкли воду в ступе, чередуя это занятие с переливанием из пустого в порожнее. Растяпа сказал, что приехал поговорить с сэром Уоткином о предстоящем школьном празднике, и я находчиво заметил: «А что, предстоит школьный праздник?» Мадлен ответила – да, послезавтра, но так как викарий заболел, то распоряжаться будет мистер Пинкер. Тут Растяпа поморщился, будто такая перспектива совсем его не радовала.

Мадлен спросила, хорошо ли я доехал. «Замечательно», – сказал я. Растяпа промямлил, что Стиффи очень обрадуется моему приезду, а я улыбнулся иронической улыбкой. Тут в гостиную вошел Баттерфилд и объявил, что сэр Уоткин готов принять мистера Пинкера, и Растяпа незамедлительно отчалил. Едва дверь за ними затворилась, Мадлен сцепила руки, устремила на меня слезливый взор и прошелестела:

– О, Берти, тебе не следовало сюда приезжать. У меня духу не хватило отвергнуть твою трогательную мольбу – знаю, как безумно ты жаждешь снова меня увидеть, пусть мимо-летно, пусть безнадежно... Но разумно ли это? Надо ли бе-

редить свежую рану? Зачем стремиться ко мне, сознавая, что мы обречены оставаться просто друзьями? Тщетно все это, Берти. Ты не должен питать никаких надежд. Мое сердце отдано Огастусу.

Ее слова, как вы догадываетесь, звучали для меня дивной музыкой. Думаю, она не стала бы так распинаться, если бы они с Гасси действительно серьезно поссорились. Очевидно, крамольное высказывание о том, что его от нее тошнит, было вызвано просто мимолетной досадой, минутной размолвкой – например, Мадлен могла заметить, что он слишком много курит, или еще там что-нибудь в таком роде, только и всего. Как бы то ни было, сказал я себе, ссора, породившая трещину в лютне, теперь окончательно прощена и забыта, и дела обстоят таким образом, что наутро, сразу после завтрака, мне можно отсюда смыться. Тем не менее я заметил, что физиономия у Мадлен еще кислее обычного и глаза на мокром месте.

– Как печально, Берти, что твоя любовь ко мне столь безнаджна, – сказала она и приплела еще что-то маловразумительное насчет мотыльков и звезд. – Жизнь так трагична, так жестока. Но что я могу поделать?

– Да ладно, – от всей души сказал я. – Не бери в голову.
– Но ты разбиваешь мне сердце.

С этими словами она разразилась, как говорится, бурными рыданиями. Опустилась в кресло, закрыла лицо руками. Долг вежливости, как мне показалось, побуждает меня по-

дойти и погладить ее по макушке. Я не стал противиться этому побуждению и могу утверждать, оглядываясь назад, что это было большой ошибкой с моей стороны. Помнится, Монти Бодкин, один парень из «Трутней», который однажды погладил по макушке некую рыдающую особу женского пола, не подозревая, что жених вышеупомянутой особы находится в непосредственной близости и пожирает их глазами, уверял меня впоследствии, что такое вот поглаживание, если не проявить чрезвычайной осмотрительности, оборачивается настоящей ловушкой, ибо, как правило, забываешь вовремя убрать руку. Стоишь и держишь ее на вышеупомянутой макушке. Ручаюсь, случайные свидетели, все как один, тут же начнут поджимать губы.

Итак, я впал в ту же ошибку, что и Монти. Процедуру поджимания губ взял на себя Спод, случайно подвернувшийся в эту минуту. При виде заливающейся слезами девицы он весь от носа до кормы затрясся мелкой дрожью.

– Мадлен! – взревел он. – Что случилось?

– Ничего, Родерик, ничего, – прохлюпала она и удалилась – наверное, чтобы навести лоск на свои подмокшие прелести. Спод развернулся в мою сторону и пронзил меня взглядом. По-моему, он стал заметно выше с тех пор, как я видел его в последний раз, теперь в нем было что-то около девяти футов семи дюймов. Говоря о нем с Эмералд Стокер, я сравнил его, если помните, с гориллой, имея в виду заурядный серийный образец, а не этот раритетный выставочный

экземпляр. Сейчас это был вылитый Кинг-Конг. Кулачищи сжаты, глаза мечут молнии: тут и ежу ясно – появление Бертрама его не слишком обрадовало.

Глава 6

Дабы разрядить обстановку, я поинтересовался, не желает ли он сэндвич с огурцом, но он нетерпеливым жестом дал мне понять, что сэндвичем его не купишь, хотя я мог бы засвидетельствовать, что сэндвичи превосходны – сам пробовал.

– Булочку?

Булочку он тоже отверг. Похоже, человек сел на диету.

– Вустер, – проговорил он, играя желваками, – не знаю, свернуть вам шею или не надо.

«Не надо» – вот что я ему посоветовал бы, но он не дал мне времени ответить.

– Я был удивлен, когда узнал от Мадлен, что у вас хватило наглости напроситься сюда. Причина-то, конечно, очевидна. Явились, чтобы подорвать ее доверие к человеку, которого она любит, посеять в ее душе сомнения. Как змея подкодная, – добавил он. Интересно посмотреть, подумал я, как змея может подорвать доверие. – Когда Мадлен остановила свой выбор на Финк-Ноттле, у вас даже не хватило элементарной порядочности, чтобы принять ее решение и достойно удалиться. Вы надеетесь отбить ее у Финк-Ноттла.

Чувствуя, что пришло время что-нибудь сказать, я открыл было рот, но Спод снова пустил в ход один из своих нетерпеливых жестов, видимо, решив единолично завладеть раз-

говором. Давненько я не встречал подобных любителей произносить монологи.

– Конечно, вы станете утверждать, что ваша любовь неодолима и что вы не в силах противиться желанию говорить с Мадлен, умолять ее. Чепуха! Презренная слабость. Послушайте, Вустер, долгие годы я любил эту девушку, но никогда ни словом, ни взглядом, ни намеком не дал ей этого понять. Я был потрясен, когда узнал, что она помолвлена с этим самым Финк-Ноттлом, но смирился во имя ее счастья. Сраженный наповал, я держал...

– ...хвост морковкой?

– ...в тайне свои чувства. Я стоял...

– ...как мраморная статуя?

– ...как воплощенная сдержанность и не сказал ни слова, чтобы не выдать своих чувств. Она должна быть счастлива, все остальное не имеет значения. Если вы меня спросите, одобряю ли я ее выбор, честно отвечу – нет. На мой взгляд, он совершеннейшее ничтожество, и могу добавить, что ее отец разделяет мое мнение. Но она этого человека выбрала, и я смиряюсь. И не стану за его спиной настраивать Мадлен против него.

– Похвально.

– Как вы сказали?

Я сказал, что я сказал, что это с его стороны похвально. Благородно с его стороны, сказал я.

– Вот как? Ладно, Вустер, я вам предлагаю следовать мое-

му примеру. И знайте, что я буду неотступно следить за вами и, надеюсь, больше не увижу этого поглаживания по головке, которому вы предавались, когда я сюда вошел. В противном случае я намерен...

Что именно он намерен сделать, он не открыл, но я, кажется, и сам догадывался, так как в эту минуту вернулась Мадлен с покрасневшими глазами и печальным выражением лица.

– Я покажу тебе твою комнату, Берти, – сказала она с ангельской кротостью.

Спод бросил на меня предостерегающий взгляд.

– Осторожнее на поворотах, Вустер, – бросил он, когда мы выходили.

Мадлен удивилась:

– Отчего Родерик просит тебя соблюдать осторожность?

– Боюсь, об этом мы никогда не узнаем. Может, боится, как бы я не поскользнулся на паркете?

– У него такой вид, будто он зол на тебя. Вы поссорились?

– О небо, нет, конечно. Наша беседа проходила в атмосфере сердечности и взаимопонимания.

– Мне показалось, он раздосадован твоим приездом.

– Напротив. Он с трогательным радушием приветствовал меня словами: «Добро пожаловать в Тотли-Тауэрс».

– Ах, я так рада. Мне было бы грустно, если бы вы с ним...

Ах, папочка!

Когда мы подошли к лестнице в холле, из своей комнаты,

радостно напевая, появился сэр Уоткин Бассет. Как только он увидел меня, веселенькая мелодия замерла у него на губах и он остановился как вкопанный. Он напомнил мне того типа, который провел ночь в доме с привидениями и наутро был найден мертвым с выражением неизъяснимого ужаса на лице.

– О, папочка, – сказала Мадлен, – забыла тебя предупредить. Я пригласила к нам Берти на несколько дней.

Папаша Бассет судорожно сглотнул:

– Несколько – это, по-твоему, сколько?

– Надеюсь, по крайней мере неделя.

– Боже правый!

– Или побольше.

– Силы небесные!

– Папочка, в гостиной тебя ждет чай.

– Нет. Мне не чаю, мне чего-нибудь покрепче, – прохрипел старикашка и неверной походкой удалился прочь. Когда я смотрел, как он понуро спускался вниз, где его, вероятно, ждала бодрящая доза спиртного, мне на ум пришло стихотворение, которое я учил в детстве. Подробности забыл, но суть в том, что на море разыгрался шторм, и, помнится, кульминационная строфа звучит так:

Шатаясь, он сошел по трапу.

«Все погибло!» – крикнул хрипло

И бессильно рухнул на пол.

– Кажется, папочка чем-то расстроен, – меланхолично заметила Мадлен.

– Да, действительно, создается такое впечатление, – сухо проговорил я, задетый поведением старого хрыча. Конечно, я бы мог сделать для него скидку, ибо человек с установившимися привычками, как правило, не приходит в восторг, внезапно обнаруживая у себя в доме Вустера, но все-таки, по-моему, ему следовало бы держаться более стойко. «Вспомните индейцев, Бассет, – сказал бы я ему, будь мы с ним на дружеской ноге, – они всегда проявляли особенную бодрость в то время, когда их поджаривали на костре».

Можно было бы ожидать, что неприятная встреча с папашей Б., да еще сразу после беседы – если, конечно, это можно считать беседой – со Сподом, повергнет меня в уныние, однако ничуть не бывало. Я так возликовал, узнав, что между М. Бассет и Г. Финк-Ноттлом царит мир, что на все остальное мне было наплевать. Конечно, врагу не пожелаешь гостить в доме, где хозяин при виде тебя бледнеет как мертвец и бежит сломя голову, чтобы приложиться к бутылке и немного очухаться, но мы, Вустеры, умеем стойко переносить превратности судьбы, и когда вскоре звон гонга призвал всех к обеду, я находился в превосходном расположении духа. С песней на устах, образно говоря, я поправил галстук и устремился к кормушке.

...Обед – такая трапеза, во время которой Бертрам обычно бывает в ударе, ибо он ее обожает. Счастливейшие часы

моей жизни я провел в обществе супа, рыбы, фазана или чего-то там еще, суфле, фруктов (когда приходит им пора) и рюмки портвейна в заключение. Обед выявляет все лучшее, что есть во мне. Те, кто меня знает, порой говаривают: «Днем Берти, как правило, интереса не представляет, но погрузи мир во тьму, зажги мягкий свет, откупорь шампанское, поставь перед Вустером обед – и ты станешь свидетелем чуда».

Однако если я блистаю и чарую всех и вся, то при одном условии, а именно – общество должно мне благоприятствовать. В данном же случае ни о каком благоприятствовании и речи не шло. Сэр Уоткин Бассет, который еще не оправился от шока, вызванного моим появлением в непосредственной от него близости, был весьма далек от идеального образа приветливого старого сквайра, души общества. Он то и дело бросал на меня взгляды поверх очков, моргал с таким видом, точно не мог поверить в факт моего существования, и с содроганием отворачивался. И больше он ничего не приносил в застольное общение, ни капли того, что, как я слышал, Дживс называет пиршеством ума и сердечным изливанием. Плюс к тому суровый и молчаливый Спод, томно поникшая Мадлен Бассет, мрачный Гасси и Стиффи, которая, казалось, витает мыслями неизвестно где, – и вы получите зрелище, по сравнению с которым поминки – это просто разнузданная гулянка.

Кошмар – вот слово, которое вертелось у меня на языке. За столом царил настоящий кошмар. Наша трапеза напоми-

нала сцену из какой-то русской пьесы, шедшей в «Олд Вик», куда я по настоянию тети Агаты водил иногда ее сына Тоса с целью расширения его кругозора, для чего, как известно, годятся любые подручные средства.

В разгар нашей пирушки я почувствовал, что самое время что-нибудь сказать, и привлек внимание старикашки Бассета к объекту, стоящему посреди стола. В любом порядочном доме там находилась бы ваза с цветами или что-то вроде того, но так как это был Тотли-Тауэрс, то центр стола украшала небольшая черная фигурка, вырезанная из материала, который я затрудняюсь назвать. Предмет, откуда ни погляди, смотрелся одинаково омерзительно и скорее всего являлся одним из новых экспонатов коллекции старого хрыча Бассета. Мой дядя Том тоже постоянно таскает домой с аукционов подобных уродцев.

– Что-то новенькое? – спросил я.

Папаша Бассет вздрогнул. Вероятно, ему удалось-таки себя убедить, что я всего-навсего мираж, и теперь, обнаружив поблизости Бертрама Вустера из плоти и крови, он испытал нервный шок.

– Я об этой штуке посреди стола, – продолжал я развивать свою мысль, – она похожа на ударника из джаз-банда. Наверное, появилась после... после того, как я здесь был в последний раз?

Возможно, с моей стороны было довольно бестактно напоминать Бассету о моем предыдущем визите, возможно,

мне следовало промолчать, но слово не воробей, вылетит – не поймаетшь.

– Да, – с трудом выдавил из себя Бассет после минутной заминки, во время которой его била крупная дрожь, – это мое последнее приобретение.

– Папочка ее купил у одного человека по имени Планк. Он живет здесь неподалеку, в Хокли, – заметила Мадлен.

– Миленькая вещица, – сказал я. Смотреть на нее было тошно, но я подумал, что меня не убудет – надо немного умастить старикашку Бассета. – Дядюшке Тому наверняка понравилась бы. Кстати, – меня вдруг осенило, – по-моему, тетя Далия мне вчера о ней говорила по телефону. Дядя Том, сказала она, душу бы прозакладывал, чтобы заполучить ее в свою коллекцию. И я не удивляюсь. На вид вещица очень ценная.

– Тысяча фунтов, – наконец подала голос Стиффи, вышедшая из состояния комы.

– Это же куча денег, ей-богу! – Я с изумлением подумал, что мировые судьи, если они, конечно, в течение многих лет неустанно штрафуют кого ни попадя и прикарманивают денежки, действительно могут позволить себе такие значительные траты. – Из чего она сделана? Из мыльного камня?

Видимо, я здорово промахнулся.

– Из янтаря, – отрезал папаша Бассет и посмотрел на меня взглядом, который запомнился мне с тех пор, когда я стоял перед ним в полицейском суде на Бошер-стрит. – Из черного

янтаря.

– Ах да, конечно. Теперь я вспомнил, тетя Далия так и говорила. Она в восторге от этой вещи, уверяю вас, в совершенном восторге.

– Неужели?

– О, без сомнения!

Затевая этот разговор, я надеялся немного растопить лед, так сказать, и придать нашему общению легкость вроде той, которая была свойственна завсегдатаям старомодных салонов и о которой много чего понаписано в романах. Но увы, за столом вновь воцарилось молчание, однако в конце концов трапеза завершилась, и я сразу же направился в свою комнату, где собирался убить остаток вечера в обществе Эрла Стенли Гарднера, которого прихватил с собой. Какой смысл, подумал я, толпиться в гостиной, где Спод свирепо на меня косится, папаша Бассет с презрением фыркает в мою сторону, а Мадлен наверняка примется петь народные баллады. Ускользнув по-тихому из гостиной, я совершил антиобщественный поступок, и какой-нибудь автор учебного пособия по этикету укоризненно поднял бы бровь, но один из бесценных уроков, которые преподносит нам жизнь, заключается в том, чтобы уметь вовремя удалиться.

Глава 7

Обремененный разными заботами, я до сих пор не обмолвился об одном таинственном обстоятельстве, которое во время обеда сильно меня занимало, а именно: что случилось с Эмералд Стокер.

Она ведь мне совершенно определенно сказала, что сегодня едет в Тотли четырехчасовым поездом, и как бы этот поезд ни тащился, он уже должен быть здесь. Ведь Гасси, который тоже им ехал, преспокойно сидит среди нас. А о ней ни слуху ни духу. Взвесив все имеющиеся факты, я смог вывести одно-единственное заключение – девчонка меня разыграла.

Но зачем? С какой целью? Этим вопросом я задавался, поднимаясь к себе в комнату, где меня ждал Эрл Стенли Гарднер. Если вы сочтете, что я был удивлен и озадачен, то не ошибетесь.

В комнате я застал Дживса, который справлял свои камердинерские обязанности, и с ходу ему изложил, что меня тревожит:

– Дживс, вы видели фильм под названием «Пропавшая дама»?

– Нет, сэр. Я редко посещаю кинематограф.

– Ну, там фигурирует дама, которая затем исчезает, следите, пожалуйста, за ходом моих мыслей. Зачем, вы спроси-

те, я об этом говорю? А затем, что моя юная приятельница исчезла среди бела дня, исчезла, не оставив и следа, как вы однажды выразились.

– Весьма таинственная история, сэр.

– Вот именно. Я теряюсь в догадках. Когда мы с ней обедали вчера, она сказала, что едет в Тотли четырехчасовым поездом, но фокус в том, что ее здесь нет. Вы помните тот день, когда я обедал в «Ритце»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.